

Е. Б. Васильева

**А.И. Герцен и Н.П. Огарев о декабристах
(по материалам «Колокола» и «Полярной звезды»)**

В отечественном декабристоведении прочно утвердилась точка зрения, согласно которой во второй половине XIX в., А.И. Герцен и Н.П. Огарев создали революционную концепцию истории декабризма, закрепив в общественном сознании образ декабриста-революционера, яркого противника самодержавия, повлияв тем самым на идейное развитие представителей радикальных политических течений. Однако, в последнее время данная точка зрения претерпела некоторую корректировку.

В основе отечественной историографической традиции освободительного движения долгое время находилась ленинская классификация, согласно которой декабристов, Герцена и Огарева безоговорочно относили к представителям революционного лагеря.

Вместе с тем, наследие Герцена и Огарева гораздо глубже и не ограничивается рамками революционных теорий. На разных этапах идейной эволюции им были присущи как радикальные, так и либерально-реформаторские настроения. К тому же, за всю историю существования «Вольной русской типографии» политический и социальный диапазон ее читательской аудитории претерпевал значительные изменения, что так же нельзя не учитывать.

Таким образом, возникает потребность в переосмыслении особенностей отражения темы декабризма в изданиях А.И. Герцена и Н.П. Огарева и выявления их роли в формировании представлений о декабризме.

В качестве исследовательского объекта нами были выбраны «декабристские» публикации Герцена и Огарева, опубликованные в «Колоколе» и «Полярной звезде», что требует некоторых пояснений.

История движения декабристов становилась основной темой в произведениях Герцена и Огарева, по крайней мере, трижды. В 1851 г. в книге Герцена «О развитии революционных идей в России», в 1857 г. в совместной работе Герцена и Огарева «14 декабря и император Николай I», в 1858 г. в брошюре Герцена «Русский заговор». В связи с чем, возникает вопрос: насколько материал «Полярной звезды» и «Колокола» имеет самостоятельное исследовательское значение?

При ответе на него обратим внимание на следующее обстоятельство. За исключением сборника «14 декабря и император Николай I», перечисленные произведения предназначались, главным образом, для европейской аудитории и были мало доступны российской аудитории. Они представляют интерес с точки зрения изучения становления и развития взглядов Герцена и Огарева на историю движения, но, говорить об их влиянии на формирование представлений о декабризме у российских читателей не представляется возможным.

Таким образом, выбранные нами издания полностью отвечают, целям настоящего исследования.

Осмысление восстания декабристов Герценом и Огаревым происходило в двух аспектах.

Первый – историософский, в рамках которого мыслители определяли его значение в истории России.

По мнению Герцена и Огарева, 14 декабря, во-первых, определило реакционную политику императора Николая I. Они утверждали, что русского императора «...слишком сильно озабочивало 14 декабря, которого он так испугался, что тридцать лет не мог опомниться и его все преследовал призрак бунта...»¹. В результате «...самодержавие сделалось его единственной мыслью»².

Весьма примечательно, что в данном случае лидеры демократического течения русской общественной мысли практически сходятся во мнении с консерваторами, которые обвиняли декабристов в том, что именно восстание заставило императора отказаться от реформ.

Во-вторых – события 14 декабря 1825 г. рассматривались Герценом и Огаревы как пролог «будущего» России. В связи с этим, актуализировалась вторая грань восстания – «великий день, с которого началось пробуждение России», день, предопределивший Великие реформы второй половины 1850-х – 1870-х гг.

Второй – «пропагандистский», прославляющий подвиг декабристов, вышедших «...сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раблепия»³.

В контексте исследования, принципиальным представляется ответить на вопрос, можно ли считать Герцена и Огарева пропагандистами вооруженного пути преобразования России.

Внимательный анализ приведенных фрагментов показывает, что восстание выступало как «событие-маркер», под которым подразумевалось активное политическое действие.

Идея политической активности замаркирована и в описании деятельности тайных обществ, которая в основном выражалась в следующих выражениях: «...только они (декабристы – *Е.В.*) думали, они говорили, они мечтали в гражданской службе выжить правительственных злодеев путем легальности»⁴.

Мы уже отмечали, что центральным местом в пропаганде «Вольной русской типографии» была идея преемственности поколений в деле освобождения России, в которой декабристам отводилась роль «праотцов». На наш взгляд, именно этот сюжет стал определяющим и в «декабристкой» публицистике «Вольной русской типографии», так как позволял решать задачи тактического, идеологического и личностного свойства.

В первые годы правления Александра II, Герцен и Огарев, исходя из убеждений о реформаторском потенциале самодержавия, пытались наладить диалог с российскими властями. Возлагая определенные надежды на реформистские

¹ *Огарев Н.П.* Старообрядцам // Общее вече. 1 декабря. 1862. С. 38.

² *Огарев Н.П.* По поводу правил Муравьева-Вешателя // Колокол. 1 сентября. 1860. С. 667.

³ *Искандер.* Великому кн. Константину Николаевичу // Колокол. 1862. 22 ноября. С. 1289.

⁴ *Огарев Н.П.* Надгробное слово // Колокол. 1863. Столб. 1345.

начинания императора, Герцен называл его наследником декабристов¹. Во втором письме к Александру II, по поводу выхода книги барона М.А. Корфа, которое по свидетельству авторитетного современника К.Д. Кавелина, произвело сильное впечатление на российского читателя², Герцен доказывает единство стремлений декабристов, как с намерениями Александра I, так и с курсом правительства второй половины 1850-х гг.³

Вектор преемственности декабристов и реформаторской деятельности Александра II определялся в русле общественных требований второй половины 1850-х гг.: предоставление свободы слова, признание личных прав, ограничение самодержавной власти законодательными актами, отмена крепостного права.

Этот сюжет, прежде всего, важен с точки зрения оформления образа «декабриста-реформатора», предшественника «Великих реформ» второй половины XIX в.

Вообще, как хорошо известно, впервые о декабристах как о представителях реформаторского течения первой четверти XIX в., заговорил в своем знаменитом труде «Россия и русские» декабрист-эмигрант Н.И. Тургенев⁴. Развил же эти представления историк и публицист либерального толка А.Н. Пыпин⁵. Однако воспоминания Тургенева, опубликованные за границей в 1848 г. на французском языке (на русский язык воспоминания были переведены только в 1907 г. – Е.В.), были мало доступны широкой российской аудитории, а труд Пыпина впервые был опубликован только в конце 1870 г.

Учитывая же уровень популярности, которым пользовались «Колокол» и «Полярная звезда» во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг., можно с полным основанием утверждать, что для широкой читательской аудитории востребованным образ декабриста-реформатора сделала публицистика Герцена и Огарева.

Интересным является и тот факт, что в письме к императору, при выяснении причин распада «Союза спасения» и создания «Северного» и «Южного» обществ, акцент был сделан на недостижимости поставленных целей методами, принятыми в «Союзе благоденствия», и «вынужденности» перехода к решительным мерам⁶.

В качестве вспомогательного элемента обозначенного образа можно рассматривать презентацию декабристов как «личных врагов» императора Николая I.

Казнь и ссылка декабристов была представлена как личная месть императора. Арест М.С. Лунина и его гибель в акутайской тюрьме – мщение Незабвенного⁷.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что редакторы «Вольной русской типографии» отделяли имя Александра II от «несправедливостей», которые допускали

¹ *Искандер* Письмо к Александру II (по поводу книги барона Корфа) // Колокол. 1857. 1 октября. С. 27.

² *Литературное наследство*. Т. 62. М., 1955. С. 385.

³ *Искандер* Письмо к императору Александру II // Колокол. 1857. 1 октября. С. 27.

⁴ *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2003.

⁵ *Пыпин А.Н.* Очерки общественного движения при Александре I // Вестник Европы. 1870. № 12. С. 456.

⁶ *Искандер.* Письмо к императору Александру II // К. 1856. 1 июня. С. 28.

⁷ *Из воспоминаний о М.С. Луине.* // Колокол. Стлб. 1858. С. 1090; *Искандер.* Некролог Н.П. Цебрикова // К. 1864. 15 октября. С. 1215.

по отношению к участникам движения официальные власти. В «полу-амнистии» декабристов, как правило, обвинялись люди николаевского правления¹.

По мере разочарования в действиях правительства, разрыва с либералами и радикализацией взглядов Герцена и Огарева, в публицистике «Колокола» на первый план выходит вторая интерпретация образа декабриста «праотца новой России» – «декабриста-революционера», что выражалось в появлении соответствующих сюжетов в публицистике.

Герцен и Огарев противопоставляют декабристов либеральным кругам, отмечая, что: «... с каждым днем все больше и больше обнаруживается, что мы – увы – не люди декабря, что мы собственно люди слов, что перед всяким честным гражданским делом, мы просто робеем, и не решаемся не на что»².

Участников движения отождествляли с представителями молодого поколения демократов, которые «... с умилением перечитывают произведения великих предшественников (декабристов – *Е.В.*), восхищаясь их силой и отвагой»³.

В рассматриваемых изданиях проводились ассоциативные связи между восстанием декабристов и студенческими волнениями начала 1860-х гг. Причем, как правило, акцент делался на действиях властей: «...не этот ли полк отличился 14 декабря 1825 г. Он и тут покрыл себя славой и, окружив их массой, отправил в преображенский застенки, называемой Петропавловской крепостью»⁴.

Итак, в образе «декабриста "праотца" новой России» мы выделили две противоположные ипостаси: «декабриста-реформатора» и «декабриста-революционера». Необходимо определить какой из этих образов был ближе российским читателям.

В связи, с этим заметим, что образ «декабриста-революционера» был отчетливо обозначен только в середине 1860-х гг., когда «Колокол» и «Полярная звезда» практически утратили свое влияние на российского читателя. В период же наибольшей популярности изданий «Вольной русской типографии» преобладал как раз образ «декабриста-реформатора».

Однако мы не можем игнорировать тот факт, что в отечественной историографической традиции Герцен и Огарев неизменно выступают как создатели «революционной» концепции истории декабризма.

Анализ историографии декабризма показывает, что самыми востребованными у отечественных историков декабристскими произведениями Герцена и Огарева являются «О развитии революционных идей в России» и «Русский заговор». Выбор логичен, так как в них, хотя и фрагментарно, представлена история декабризма.

Анализ названных произведений показывает, что история движения декабристов изложена в них в гораздо более радикальном варианте, чем в публицистике «Колокола» и «Полярной звезды». Так, в «Русском заговоре» Герцен отмечал, что, декабристы имели реальную возможность ниспровержения петербургского строя и «...действительно поставило его (*самодержавие* – *Е.В.*) на волосок от гибели»⁵, открыто признает и их согласие на царевубийство. Как мы

¹ *Искандер.* Александру Николаевичу // Полярная звезда. 1856. С. 30.

² *Искандер.* Из второго письма к императору // Колокол. 1861. 1 марта. Столб. 453.

³ Там же.

⁴ *Искандер.* По поводу студенческих избиений // Колокол. 1861. 22 ноября. С. 942.

⁵ *Герцен А.Н.* Русский заговор 1825 года // Герцен А.Н. Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Т. 13.

уже отмечали, они не имели широкого влияния на российского читателя, так как были малодоступны. Например, «Русский заговор» впервые был переведен только в 1907 г., когда он действительно оказал большое влияние на общество, однако, эта другая эпоха, востребованная иной образ декабриста.

В то же время в гораздо более доступной для российской публики брошюре «14 декабря и император Николай I», была очерчена как раз реформаторская линия деятельности декабристов. Восстание 14 декабря 1825 г. тесно связывалось с традициями дворцовых переворотов, а позиция декабристов относительно цареубийства была представлена только на уровне несерьезных разговоров¹.

Отметим, что «Русский заговор» был написан практически в одно время с упомянутой брошюрой «14 декабря 1825 г. и император Николай I» и письмом к Александру II. Вместе с тем, их ориентация на различную читательскую аудиторию отразилась на идейном содержании текстов.

Таким образом, мы можем констатировать, что из двух ипостасей образа «декабриста предшественника новой России» *декабрист-реформатор* дошел до российской читающей публики раньше и оказал на нее наибольшие влияние.

Остальные компоненты образа декабриста можно считать дополнительными элементами к главному, из которых наиболее значимыми представляются два.

Первый – декабристы – дворяне, вставшие выше интересов своего сословия.

Согласно историософским воззрениям Герцена и Огарева, именно представители среднего дворянства являлись движущей силой российской истории. В связи с чем, первоначально декабристы противопоставлялись консервативно настроенным аристократическим кругам и выступали как «пример-символ» для остальной части дворянского сословия.

Кроме того, в случае с декабристами, принадлежность к дворянскому сословию предпологала добровольный отказ от сословных привилегий. Это позволяло Герцену и Огареву подчеркнуть абсолютную бескорыстность и жертвенность участников декабристского движения и прибегать к истории декабризма для аргументации своих суждений в идейной борьбе середины XIX в. Причем, интересно, что мыслители прибегали к нему не только в диспутах с противниками, но и с близкими по политическим взглядам общественными деятелями.

Обратим внимание на знаменитую идейную полемику конца 1850-х – начала 1860-х гг. между «Вольной русской типографией» и «Современником». Поводом к полемике послужили «насмешки» редакторов «Современника» над либеральным лагерем. Герцен и Огарев в свою очередь, защищая право дворянства на участие в преобразовательных процессах середины XIX в., указывали на историческую роль дворян и особенно декабристов: «Сюда принадлежат на первом плане Раскольники и Декабристы, ... все они как ветхозаветные пророки были вместе протестом и надеждой»².

Особенно сильно эти мотивы звучали в отношении крестьянского вопроса, который был главным в политической программе революционных демократов и «молодой эмиграции». Рассуждая об истории крестьянского вопроса, Огарев

¹ Огарев Н.П. Разбор книги Корфа // 14 декабря и его толкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа) М., 1994.

² Искандер. Лишни люди и желчевики // Колокол. 1860. 15 октября. Столб. 1023.

писал: «В 25 году за него (*крестьянский вопрос* – Е. В.) стали дворяне из знатных семей больше или меньше смутно больше или меньше ясно понимая, что цель их перестать быть дворянами... что, наконец, ради предоставления свободы крестьянам дворяне вышли на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г.»¹.

Представители разночинской интеллигенции и «молодой эмиграции» часто обвиняли редакторов «Вольной русской типографией» в излишнем аристократизме, что вызывало недопонимание и конфликты. В рамках же предложенной ими концепции, отделив идейную преемственность от социокультурной динамики, Герцен и Огарев вполне могли претендовать на роль наставников, не отказываясь от своих принципов.

Второй – декабристы – нравственная гордость и нравственное оправдание России.

Наиболее полное выражение он получил в многочисленных историософских рассуждениях Герцена и Огарева², в которых, как правило, акценты расставлялись следующим образом. Нравственное состояние общества времен декабристов, описывалось в мрачных тонах: «...что могло воспитаться этими матерями, брившими косы, колотившими прислугу, этими отцами, подбострастными перед всем высшем, диким тираном перед всем низшим...»³. На этом фоне очерчивались высокие нравственные качества декабристов. Восстание же 14 декабря 1825 г. неизменно представлялось как высшее проявление нравственности, когда декабристы вышли открыто сразиться с тираном.

Представления о глубокой нравственности и бескорыстности декабристов были очень важны для Герцена и Огарева не только с точки зрения пропаганды истории декабризма как таковой, но и потому, что они сами себя называли их потомками.

Все вышеперечисленные обстоятельства предопределяли «метафорическую» часть истории декабризма в интерпретации Герцена и Огарева.

В произведениях «Колокола» и «Полярной звезды» использовал широкий диапазон метафор, которые можно разделить на две группы.

Первая группа – библейские метафоры. Декабристы идентифицировались как «святые мученики», «святые отцы», «мученики 14 декабря», «великие мученики». Редакторы проводили прямое отождествление декабристов с Христом, так как декабристы вышли на Сенатскую площадь чтобы «...очистить детей рожденных в среде палачества и раболепия»⁴. Возвращение же декабристов из ссылки, уподоблялось воскрешению, дающему России еще один шанс нового, справедливого будущего, что особенно ярко проявлялось в письмах к Александру II.

Вторая группа метафор относилась к «героическому» подвигу декабристов, в связи с чем, присутствовал взгляд на декабристов как на «бесстрашных воинов», «борцов из чистой стали», «несгибаемых борцов».

¹ Огарев Н.П. Куда и откуда? // Колокол. 1862. 22 мая. Столб. 1082.

² См., например: Россия и Польша // Колокол. 1860. 13 ноября. С. 678; Русские немцы и немцы русские // К. 1859. 15 октября.

³ Искандер Великому князю Константину Николаевичу // Колокол. 1862. 22 ноября. Столб. 1223.

⁴ Искандер. Великому князю Константину Николаевичу. Стлб. 1223.

В данном контексте широко использовались сюжеты античной истории. Декабристов презентовали как «...Курциев, бросающихся в пропасти, вовсе не существующие, Сцевол, жгущих себе руки по локоть».

Широкий диапазон метафор позволял апеллировать к широкому кругу читателей.

Если обратиться к идентификации термина «декабрист» отметим, что собственно политические определения встречаются довольно редко. Причем, среди них присутствуют как «революционеры», так и «либералы». Однако гораздо более часто встречаются этические характеристики типа «лучшие люди своего времени», либо рассмотренными выше метафоры.

Таким образом, подводя итог, мы можем отметить, что образ декабриста у Герцена и Огарева не только сложен и многогранен, но, и встроен в единую схему, в которой все детали строго подчеркнуты друг другу. В результате создавалась единая и целостная концепция, в которой тесно переплелись идеологические и личностные моменты.

Герцен и Огарев прошли сложную идейную эволюцию, на всем ее протяженнее используя историю декабризма для пропагандистских целей, практически не изменяя ее образно-метафорическую составляющую. В связи с чем, мы можем говорить, что мыслители создавали практически «универсальную» модель восприятия истории декабризма «подходящую» практически всеми политическими течениями.